

УДК 81-25+811.161.1'42+81'367.321/.322
DOI 10.52452/19931778_2021_5_179

ПРИЕМЫ «ЯЗЫКОВОЙ ДЕМАГОГИИ» В РУССКОЙ РЕЧИ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАНИПУЛЯТИВНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2021 г.

Я.Г. Баженова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

nusya-777@mail.ru

Поступила в редакцию 20.09.2021

Рассматриваются некоторые модели манипулятивной диалогической коммуникации в речевой практике носителей русского языка в контексте теории речевого воздействия. Материалом исследования являются контексты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Используется комплексная методика анализа диалогического взаимодействия, основанная на коммуникативно-прагматическом и когнитивно-дискурсивном подходах. Проанализированы особенности речевой реализации семи приемов «языковой демагогии»: ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; воздействие при помощи речевых импликатур; возражение под видом согласия; противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; игра на референциальной неоднозначности; использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; «магия слова».

Ключевые слова: диалогическая коммуникация, языковое манипулирование, языковая демагогия, теория речевого воздействия, комплексный анализ диалога, современная русская речь.

Рассмотрение речевых стратегий, приемов и средств языкового манипулирования представляется в наши дни особенно актуальным в связи с усилением информационного воздействия на общество в целом и его отдельных представителей в современную эпоху. Этой проблематике посвящена, в частности, активно развивающаяся в наши дни теория речевого воздействия [1; 2]. Одной из самых подверженных манипулятивному влиянию областей в мировых и отечественных речевых практиках является среда речевого взаимодействия, которая, в соответствии с современными представлениями науки о языке, рассматривается как особый тип дискурса – диалогический дискурс [3–5].

В современном отечественном языкознании внимание к феномену языкового манипулирования одними из первых привлекли Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, которые в книге «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» (1997) посвятили целую главу так называемым приемам «языковой демагогии» (сам термин принадлежит Т.М. Николаевой) [6]. Отдельные аспекты этой проблематики затрагивались в работах [7; 8]. В настоящей работе мы попытаемся применить научный инструментальный анализ приемов «языковой демагогии» к описанию моделей речевого взаимодействия в диалогической коммуникации в современной русской речи.

Подобная задача потребовала применения комплексной методики анализа диалогической

коммуникации, которая основана на методах коммуникативно-прагматического анализа диалога [9; 10], лингвокогнитивного исследования форматов знания и схем языковой концептуализации, стоящих за манипулятивными речевыми стратегиями [11–14], а также принципов современного дискурс-анализа [15; 16]. Материалом исследования являются текстовые данные Национального корпуса русского языка. Как нам представляется, предпринятое исследование потенциально имеет существенную практическую значимость, которая связана с возможностью применить его результаты в практике работников медийной сферы, рекламы и PR [17; 18], а также в деятельности по производству разного рода лингвистических экспертиз по выявлению фактов использования манипулятивных технологий в спорных текстах [19; 20].

Итак, в работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева под «языковой демагогией» понимаются «приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [6, с. 461]. Манипулятивность указанных приемов состоит в том, что «речевое воздействие на адресата осуществляется не прямо «в лоб», а замаскировано [6, с. 461]. Основным признаком языковой манипуляции является то, что адресат не осознает ни самого факта манипулирования, ни его содер-

жания, характера и направленности. Тем самым адресат целенаправленно лишается возможности критически оценить сообщение. Языковые механизмы демагогических приемов, как правило, основаны на разнообразных имплицитных формах подачи нужной говорящему информации, которая помещается в неассертивный компонент смысла слова, выражения или высказывания – в его пресуппозицию, инференцию или импликатуру.

Авторы выделяют следующие виды демагогических приемов: (1) ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; (2) воздействие при помощи речевых импликатур; (3) возражение под видом согласия; (4) противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; (5) игра на референциальной неоднозначности; (6) использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; (7) «магия слова» [6, с. 462–477]. Ниже мы рассмотрим, как указанные приемы реализуются в диалогической коммуникации на русском языке.

I. Ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию. Рассматриваемый прием состоит в том, что информация, которую надо незаметно внушить адресату, подается под видом пресуппозиции [6, с. 472]. Возможна два вида пресуппозиций: **семантические**, которые облигаторно имплицитируются из значений слов и выражений в качестве необходимого условия их осмысленности, и **прагматические**, которые понимаются коммуникантами по умолчанию, которые привлекаются ими из ситуации общения или общего фонда знаний о мире, будучи информацией либо общеизвестной, либо не стоящей внимания [10, с. 305–307].

Примером навязывания семантической пресуппозиции является следующий фрагмент из интервью: – *На ваш взгляд, в чем состоит главная причина такого огромного потока неконтролируемой миграции?* // – *Такое количество мигрантов (300 тысяч. – Прим. авт.), безусловно, не соответствует действительности, так как, только по экспертным оценкам, например, киргизской стороны, не менее 500 тысяч жителей Киргизии связывают свои заработки с Россией* (НКРЯ – Олег Головин. Нелегалы // Завтра, 02.03.2003). В этом примере в вопросе о причинах указанного явления уже заложена пресуппозиция ‘имеется большой поток неконтролируемой миграции’, которая обладает свойством неустранимости и неотрицаемости при возможном отрицательном ответе [6; 8]. Примечательно, что манипулятивен и ответ, в котором адресат уходит от неудобного для него вопроса о причинах явления, а просто констатирует наличие большого количества мигран-

тов, даже превышающего известные цифры (в прагматике такая модель манипулятивного вопросно-ответного взаимодействия иллюстрируется следующим примером: – *Почему у вас в саду все цветы засохли?* // – *У меня в саду более ста цветов*).

При навязывании прагматической пресуппозиции так или иначе обыгрывается общеизвестная или известная обоим коммуникантам информация, которую они по тем или иным причинам избегают озвучивать: – *Собирайся.* // – *Куда?* – // *Сам знаешь.* // *Только вздохнул капитан да крякнул* (НКРЯ – Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича, 1961). Здесь говорящими эксплуатируется фигура умолчания по поводу известного обоим не очень приятного места, по поводу которого ведется обмен репликами (органы НКВД).

II. Воздействие при помощи речевых импликатур. Под импликатурой дискурса, в соответствии с работами Г.П. Грайса, понимается имплицитный смысловой компонент, самостоятельно выводимый слушающим из предположения, что говорящий соблюдает принцип кооперации. По сути, импликатуры дискурса – это нестрогие умозаключения, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта, опираясь на постулаты речевого общения [9]. Благодаря импликатурам дискурса мы можем понимать высказывания, буквальный смысл которых тавтологичен, неинформативен или лишен смысла, потому что они заставляют адресата искать пути к непрямой, косвенной интерпретации сказанного (ведь адресат исходит из установки говорящего на коммуникативное сотрудничество, согласно которой говорящий не может намеренно вводить слушающего в заблуждение или говорить бессмысленные вещи). Демагогичность использования речевых импликатур в ряде ситуаций общения заключается в том, что «внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура. Это дает возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицитного утверждения» [6, с. 463].

Этот прием очень часто используется в анекдотах: – *В чем состоит разница между долларом и рублем?* // – *Разница между ними равна одному доллару* (НКРЯ – Коллекция анекдотов: армянское радио, 1970–2000). Исходя из предположения о соблюдении принципа кооперации говорящими, вопрос, заданный в такой форме, предполагает естественную стандартную импликатуру, которая выводится в зоне слушающего: ‘Какова курсовая разница в

стоимости валюты?». В ответе происходит манипулятивное «передергивание», как если бы отвечающий не понял истинного смысла вопроса, а потому и отвечает, также в небуквальном, косвенном режиме, в том духе, что рубль не стоит ничего, а один доллар стоит один доллар.

Часто этот прием основывается на небуквальном прочтении фраз, которые, если бы были восприняты буквально, имели бы внутренне противоречивый или тавтологический смысл, т.е. были бы бессодержательными: – *Не сердитесь, Ольга Петровна, как вы себя чувствуете, кстати?* – *пошел на попятную Израиль Ильич.* // – *Как я могу себя чувствовать?* – *махнула рукой Ольга Петровна* (НКРЯ – Маша Трауб. Замочная скважина, 2012). Отвечающий уходит от прямого ответа. Вместо этого спрашивающему навязывается необходимость небуквальной интерпретации в нужном для отвечающего ключе, а именно импликатура ‘Вы и сами должны понимать, что в известных вам обстоятельствах я не могу чувствовать себя хорошо’. Манипулятивность данного приема заключается в том, что прямой ответ мог бы обидеть спрашивающего, так как выглядел бы как упрек. Но в данном случае спрашивающий как бы сам вывел эту информацию, а значит, ответственность с отвечающего снимается.

III. Возражение под видом согласия. Этот демагогический прием заключается в том, что «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [6, с. 464]. Чаще всего говорящим используются когнитивные схемы типа «Да, но...»: – *Но негативную информацию не исключить, тем более если плохое случается каждый день.* // – *Да, но подавать её нужно по-другому. Вот в некоторых странах запрещают писать в метро: «Выхода нет»* (НКРЯ – Д. Соколов. Нет больше сил терпеть безнадёгу // Витрина читающей России, 25.10.2002).

Манипулятивность подобных приемов заключается в том, что под видом соблюдения принципа кооперации (выражения согласия) на самом деле выражается возражение, и диалог переводится в нужную для отвечающего сторону, что реально является нарушением принципа кооперации, которое не осознается инициатором диалога: – *А как быть с ухудшением вентиляции помещения?* // – *С этой проблемой мы действительно столкнулись, но уже есть предложения, которые позволят её решить* (НКРЯ – Михаил Песин. Дом, который построит «Дом» // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород), 14.10.2002). Фигура противопоставления дает возможность отвечающему высказать воз-

ражение в неявном виде, даже не давая спрашивающему толком понять, что с ним не соглашаются – ему возражают.

– *К вопросу о приборах: показания буйков отражены в регулярных отчетах о дрейфе станции. Это одно из технических новшеств в изучении Арктики?* // – *Показаниями буйков мы действительно пользуемся, но не своих. То, что некоторые называют «буйками», в реальности представляют собой автоматические измерительные комплексы на базе дрейфующих инженерных сооружений* (НКРЯ – Владимир Соколов, Наталья Шергина. «Мы сейчас в теплой фазе» // Огонек, 2013). Подобные манипуляции помогают отвечающему уйти от неудобного для него по тем или иным причинам вопроса, не подвергаясь возможным санкциям за нарушение принципа кооперации (ведь формально в его ответе представлен иллюкутивно зависимый речевой акт согласия).

IV. Противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности. Этот демагогический прием опирается на «апелляцию к объективной реальности», которую говорящий осуществляет посредством метаязыковых операторов *на самом деле, в самом деле, в действительности* и под. Манипулятивность заключается в том, что, употребляя эти выражения, эксплицитная семантика которых ориентирует слушающего на идею соответствия сказанного говорящим объективной реальности, говорящий на самом деле выражает свою, подчас спорную точку зрения, далекую от объективности, но нужную ему в каких-то целях: «в основе такой апелляции лежит имплицитное представление о «мнимой», «кажущейся» реальности, скрывающей за собою «подлинную», «настоящую» реальность (при этом говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность)» [6, с. 468].

– *Парня этого посадили, родственники его дали мне корову и тёлку вместо буйволицы, и власть, как видишь, до сих пор стоит, и сносу ей не видать.* // – *Не говори, – подтвердил один из его спутников, – на вид-то они простецкие, а на самом деле свой расчёт имеют...* (НКРЯ – Фазиль Искандер. Бедный демагог, 1969). Реально в таких примерах под видом апелляции к достоверному знанию (объективной реальности) говорящие выражают свои, подчас спорные и неаргументированные, мнения.

Подобное манипулирование может быть легко разоблачено, если говорящие занимают стороннюю позицию наблюдателей и оценивают высказывание, введенное с помощью метаязыкового оператора типа *на самом деле* со стороны: – *А «живой журнал», говорит, это та-*

кой литературный прием – «ирония» называется. *А на самом деле, там, типа, все давно померли. // – Не, ну это она загнула. // – Согласен, – Батыр налил по новой* (НКРЯ – И.М. Косях. Нелегалы // Волга, 2011).

V. Игра на референциальной неоднозначности. Этот демагогический прием заключается в том, что говорящий намеренно в контексте нейтрализует две возможных противоположных интерпретации в зоне адресата по поводу того, имеется ли в виду определенный конкретный референт, или референт неопределенный/обобщенный (это различие в артиклевых языках типа английского маркируется артиклями *a* и *the*: в таком случае, использование подобного механизма манипуляции затруднено): – *Как ты мог жениться на старухе? – визжала третья жена, потроша Васиной альбомы. // – Она не была старухой* (НКРЯ – Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки, 2009). Здесь в зоне инициатора диалога слово *старуха* используется в нереферентном употреблении, по Е.В. Падучевой [21] – ‘любое лицо женского пола, имеющее данное свойство – быть старухой’, а в зоне отвечающего слово *старуха* используется для характеристики конкретного референта, обозначенного местоимением *она* – имеется в виду конкретная женщина, на которой отвечающий женился давно, когда она еще не была старухой. Языковым средством создания приема здесь выступает скрытое противопоставление. Манипулятивность данного приема заключается в том, что отвечающий избегает ответа по существу на неудобный для него вопрос, но при этом формально соблюдает требования к успешной коммуникации, опять же избегая возможных санкций за нарушение кооперации.

Часто в подобных приемах используются референциальные возможности личных местоимений, в частности – возможности инклюзивного (включающего говорящего) или эксклюзивного (исключающего говорящего) употребления: – *Жена вам – скандал? – // Не, она у меня не базланит. Это не то что есть некоторые... Ох, не будьте такими – это хуже всего на свете. Тут и так-то... несладко, а если ещё и дома... Если я устал как собака, я посплю, отдохнул – можно снова за работу. А если ещё дома... Нет, это плохо. Хуже нет. // – Вы же говорите, вы хорошо живёте. – Я-то хорошо! Я про других* (НКРЯ – Василий Шукшин. Печки-лавочки, 1970–1972).

Также игра на нейтрализации инклюзивного и эксклюзивного употреблений возможна при выборе местоимения I или II лица (например, *мы* или *вы*): – *А почему – клуб спасения? Вас надо спасать? // – Не вас, а нас. Ты теперь тоже*

в клубе (НКРЯ – А.И. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (окончание) // Волга, 2009).

VI. Использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*. Этот прием именуется в работе Т.В. Бульгиной и А.Д. Шмелева как «переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» [6, с. 472]. Еще в античной риторике были известны две возможных речевых стратегии в передаче чужого мнения или в описании какой-либо ситуации: стратегия *de dicto*, в соответствии с которой ситуация излагается объективно, «как она есть», а чужое мнение передается адекватно (эту стратегию можно считать нормальной, т.е. кооперативной), и стратегия *de re*, при которой ситуация перетолковывается в нужном говорящему направлении, а чужое мнение переформулируется в соответствии с исходными посылками и оценками самого говорящего (именно такая стратегия может считаться демагогической, манипулятивной): «Стратегия *de dicto* направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия *de re* всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [6, с. 474].

Часто при использовании этого приема в диалоге употребляются метаязыковые маркеры переключения точки зрения (типа *У Х. это называется У* или *по-моему*): – *Били? // – У них это называется «поучили». Преподали, так сказать, урок. // Он снова усмехнулся, на этот раз намеренно криво, и Печигину показалось, что углы его лица трутся друг о друга с непривычной болью, от которой дёргается, щуря глаз, левое веко* (НКРЯ – Евгений Чижов. Перевод с подстрочника, 2012); – *Всяк изощряется над ним и всяк вmale не пинком сопровождает его. Тут же, в толковании сем, я равен вельможе. Ибо ум! // Центральный лишь головой покачал с досадой: // – По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всем правилам психологии, а по-моему, это скандал и несчастье. Выслушай меня, старика, в последний раз! Вот что я тебе скажу: успокой свой ум!* (НКРЯ – Ольга Заровнятных. Густота // Волга, 2011).

Манипулятивность подобного приема, по мнению Т.В. Бульгиной и А.Д. Шмелева, заключается в следующем: «При стратегии *de dicto* говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации *de re* говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности» [6, с. 472].

VII. «Магия слова». «Прием состоит в употреблении выражений, эмоционально воздействующих на адресата речи, хотя несложный

анализ демонстрирует их полную логическую несостоятельность. Однако действенным оказывается сам факт использования слов, несущих положительный или отрицательный заряд. Расчет, осознанный или неосознанный, делается на то, что поддавшийся «магии слов» адресат речи не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится» [6, с. 475–476]. В этом случае часто используется прием **амплификации** – нагромождения в высказывании слов одной эмоционально-оценочной тональности, избыточное использование образных средств, которые отвлекают адресата от сути. При этом с точки зрения здравого смысла используемые говорящим высказывания часто бывают тавтологичны, алогичны, бессмысленны или внутренне противоречивы, но этот факт не осознается адресатом, завороженным речевой «красивостью».

В следующем примере нагромождение лексем *красивый* и однокоренных слов как бы маскирует истинную «дьявольскую» суть излагаемой информации, отвлекает от нее внимание адресата: – *Две тысячи лет назад один чувак сказал: придет дьявол и будет он лицом прекрасен. Красота – последняя идеология, которая осталась человечеству. Живи красиво, купи красивое, носи красивое, отдыхай красиво – и всего добьешься в жизни. Красота – тот крысолов из города (тут он назвал какой-то город, не помню), который приведет нас всех к пропасти. // – Красота погубит мир, – вспомнила я слова Мутыщевы (НКРЯ – А.И. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (окончание) // Волга, 2009). Примечательно, что в ответной реплике и адресат как бы «заражается» этой тональностью, переходя на волну, заданную говорящим.*

К явлениям «магии слова» относятся и случаи порождения высказываний с внутренне противоречивым содержанием, которое не осознается говорящими из-за использования слов – носителей эмоционально-экспрессивной окраски: *Алик вдруг представил Сашу в рядах Инвалидного рынка, полупьяного, развязно зазывающего покупателей к мешку гнилых семечек, и, не скрывая гневной ярости, решительно встал. // – А я знаю, что Сашу ждет новая и прекрасная жизнь! Ну, а вы... – Алик ненавистно посмотрел на Сергея. – Вы, если считаете, что жизнь уже прожили, можете просить пенсию (НКРЯ – Анатолий Степанов. В последнюю очередь, 1984).*

В целом проведенный анализ показал, что все рассмотренные приемы языкового манипулирования объединяет то обстоятельство, что они так или иначе нарушают принцип кооперации Г.П. Грайса [9, с. 217–237], провоцируя не критичность восприятия адресатом навязываемых

ему мнений, которые «подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо» [6, с. 477]. Иными словами, адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения. Это, в свою очередь, наносит не осознаваемый самим адресатом коммуникативный ущерб, разрушая самые основы речевого взаимодействия в обществе, по умолчанию опирающегося на коммуникативное сотрудничество.

Список литературы

1. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: Учебное пособие. Воронеж: ВорГУ, 2001. 228 с.
2. Стернин И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс: Сб. научн. тр. / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. М.: Азбуковник, 2003. С. 91–108.
3. Матвеева Т.В. Непринужденный диалог как текст // Человек – Текст – Культура: Кол. мон. / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 125–140.
4. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс: Сб. научн. трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. М.: Азбуковник, 2003. С. 24–45.
5. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
6. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омский гос. ун-т, 1999. 285 с.
8. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотношения. М.: ЯСК, 2017. 592 с.
9. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
10. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв-я АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 252 с.
12. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
13. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265.
14. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 20.09.2021).
15. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. и сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

16. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
17. Иссерс О.С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256.
18. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. / Под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
19. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
20. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18–21.
21. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

THE TECHNIQUES OF «LANGUAGE DEMAGOGUERY» IN RUSSIAN SPEECH: EXPERIENCE OF COMPLEX RESEARCH OF MANIPULATIVE DIALOGICAL COMMUNICATION

Ya.G. Bazhenova

The article examines some models of manipulative dialogical communication in the Russian native speakers' speech practice in the context of the theory of speech effect. The research material is the contexts extracted by continuous sampling from the Russian National Corpus. A complex methodology for analyzing dialogic interaction is used, based on communicative-pragmatic and cognitive-discursive approaches. The features of speech realization of the following seven techniques of "language demagoguery" are analyzed: assertion disguised as a presupposition; effect with the help of speech implicatures; objection disguised as consent; opposition of "visible" and "true" reality; playing on referential ambiguity; the use of a manipulative speech strategy *de re* instead of a cooperative strategy *de dicto*; "magic of a word".

Keywords: dialogical communication, language manipulation, language demagoguery, theory of speech effect, complex analysis of dialogue, modern Russian speech.

References

1. Sternin I.A. Basics of Speech Impact: Textbook. Voronezh: VorSU publ., 2001. 228 p.
2. Sternin I.A. Social factors and publicistic discourse. Mass culture at the turn of the century. Man and his discourse, Coll. sc. works / Ed. Yu.A. Sorokina, M.R. Zheltukhina; Institute of Linguistics RAS. M.: Azbukovnik publ., 2003. P. 91–108.
3. Matveeva T.V. Informal dialogue as a text. Human – Text – Culture: col. mon. / Ed. N.A. Kupina, T.V. Matveeva. Yekaterinburg: IRRO publ., 1994. P. 125–140.
4. Karasik V.I. Speech behavior and types of linguistic personalities. Mass culture at the turn of the century. Man and his discourse, Coll. sc. works // Ed. Yu.A. Sorokina, M.R. Zheltukhina; Institute of Linguistics RAS. M.: Azbukovnik, 2003. P. 24–45.
5. Borisova I.N. Russian Conversational Dialogue: Structure and Dynamics. M.: Book House «LIBROKOM» publ., 2009. 320 p.
6. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Language Conceptualization of the World (Based on the Material of Russian Grammar). M.: Languages of Russian culture, 1997. 576 p.
7. Issers O.S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. Omsk: Omsk State University publ., 1999. 285 p.
8. Radbil T.B. A Language and the World: Paradoxes of Mutual Reflection. M.: YaSK Publishing House, 2017. 592 p.
9. Grice G.P. Logic and conversation. New in Foreign Linguistics, Vol. 16. Linguistic Pragmatics // Comp. and enter art N.D. Arutyunova and E.V. Paducheva; Ed. E.V. Paducheva. M.: Progress publ., 1985. P. 217–237.
10. Paducheva E.V. Pragmatic aspects of the coherence of the dialogue // Bulletin of AS of USSR. 1982. Vol. 41. № 4. P. 305–313.
11. Boldyrev N.N. Cognitive Linguistics. Moscow-Berlin: Direct-Media publ., 2016. 252 p.
12. Radbil T.B. Cognitive Science: A Study Guide. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2018. 375 p.
13. Radbil T.B. Anomalies in the field of language conceptualization of the world // Russian Language and Linguistic Theory. 2007. № 1 (13). P. 239–265.
14. Radbil T.B., Saygin V.V. Features of the paradigmatic and syntagmatic implementation of the conceptual field "sin" in the modern Russian language [Electronic resource] // Modern Problems of Science and Education. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/1119-15195. (Date of access: 20.09.2021).
15. Dyck T.A. van. Language. Cognition. Communication / Trans. from English and comp. V.V. Petrov. M.: Progress publ., 1989. 312 p.
16. Makarov M.L. Foundations of the Theory of Discourse. M.: ITDGK «Gnosis» publ., 2003. 280 p.
17. Issers O.S. More than half a century under the umbrella of communication strategies // Communication Studies. 2020. Vol. 7. № 2. P. 243–256.
18. Ratsiburskaya L.V. (ed.). Russian Language at the Beginning of the XXIst Century: Vocabulary, Word Formation, Grammar, Text, Col. mon. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2014. 325 p.
19. Radbil T.B. Identification of content and speech signs of unfair information in the expert activity of a linguist // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2014. № 6. P. 146–149.
20. Radbil T.B., Yumatov V.A. Methods for identifying implicit information in linguistic expertise // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2014. № 3 (2). P. 18–21.
21. Paducheva E.V. Semantic research (Semantics of Tense and Aspect in Russian. Semantics of Narrative). M.: Languages of Russian culture publ., 1996. 464 p.